

ОРЕНБУРГСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 Н О Я Б Р Я .

№ 21.

1905 Г О Д А .

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Русское духовенство въ изображеніи современныхъ беллетристовъ.

(Продолженіе).

Подобными пережитками крѣпостничества, вѣсть и отъ другого разсказа Чехова — «Пѣвчіе».

Мировой судья получаетъ изъ Петербурга нисьмо. Съ легкой руки мирового разносятся вѣсти, что скоро въ Ефремово прибудетъ баринъ, графъ Владимиръ Ивановичъ. Когда онъ прибудетъ — неизвѣстно.

«Яко тать въ нощи, — говоритъ отецъ Кузьма, маленькій сѣденькій поникъ въ лиловой ряскѣ. — А ежели онъ пріѣдетъ, то и прохода здѣсь не будетъ отъ дворянства и прочаго высшаго сословія. Всѣ сосѣди съѣдутся. Ужъ ты твою... пестарайся, Алексѣй Алексѣичъ... Сердечно прошу...»

Алексѣй Алексѣичъ, котораго о. Кузьма такъ убѣдительно и такъ сердечно просилъ «постараться», состоялъ псаломщикомъ при Ефремской Трехсвятительской церкви. Въ то же время онъ обучалъ школьныхъ мальчиковъ церковному и свѣтскому пѣнію, за что и получалъ отъ графеской конторы, ни много ни мало, 60 р. въ годъ. Школьники же за свое обученіе обязаны были пѣть въ церкви. Такимъ образомъ, всѣ обязаны были «постараться» во славу и для удовольствія ожидавшагося въ Ефремово графа. И, дѣйствительно, всѣ старались и старались изо всѣхъ своихъ силъ.

Алексѣй Алексѣичъ, не смотря на свое вѣдншее величіе, которое было болѣе прилично его фигурѣ, чѣмъ униженіе, старался болѣе всѣхъ.

«Въ виду слуховъ о пріѣздѣ графа, онъ дѣлаетъ спѣвки каждый день утромъ и вечеромъ. Спѣвки производятся въ школѣ. Школьнымъ занятіямъ онъ мало мѣшаютъ. Во время пѣнія учитель Сергѣй Макарычъ задаетъ ученикамъ чистописаніе и самъ присоединяется къ тенорамъ, какъ любитель. Вотъ какъ производятся спѣвки. Въ классную комнату, хлопая пверью, входитъ сморкающійся Алексѣй Алексѣичъ. Изъ за ученическихъ столовъ съ шумомъ выползаютъ дисканты и альты. Со двора, стуча ногами, какъ лошади, входятъ давно уже ожидающіе тенора и басы. Всѣ становятся на свои мѣста. Алексѣй Алексѣичъ вытягивается, дѣлаетъ знакъ, чтобы молчали, и издаетъ камертономъ звукъ.

— То-то-ти-то-томъ... До-ми-соль-до!

— Дааа-минь!

— Адажьо... адажьо... Еще разъ...

Послѣ «аминь» слѣдуетъ «Господи, помилуй» великой эктении. Все это давно уже выучено, тысячу разъ пѣто, переженовано и поется только такъ для проформы. Поется лѣниво, безсозвательно. Алексѣй Алексѣичъ покойно машетъ рукой и подпѣваетъ то теноромъ, то басомъ. Все тихо, ни-

чего интереснаго... Но передъ «Херувимской» весь хоръ начинаетъ сморкаться, кашлять и усиленно перелистывать ноты. Регентъ отворачивается отъ хора и съ таинственнымъ выраженіемъ лица начинаетъ настраивать скрипку. Минуты двѣ длятся приготовленія.

— Становитесь... Смотрите въ ноты получше... Басы, не напирайте... помягче...

Выбирается «Херувимская» Бортнянскаго № 7. По данному знаку наступаетъ тишина. Глаза устремляются въ ноты и дисканты раскрываютъ рты. Алексѣй Алексѣихъ тихо опускаетъ руку.

— Піано... піано... Вѣдь тамъ «піано» написано. Легче, легче!

— ...ві...и...мы...

Когда нужно пѣть *piano*, на лицѣ Алексѣя Алексѣевича разлита доброта, ласковость, словно онъ хорошую закуску во снѣ видитъ.

— Форте... форте! напирайте!

И когда нужно пѣть *forte*, жирное лицо регента выражаетъ сильный испугъ и даже ужась. «Херувимская» поется хорошо, такъ хорошо, что школьники оставляютъ свое чистописаніе и начинаютъ слѣдить за движеніями Алексѣя Алексѣича. Подъ окнами останавливается народъ. Входитъ въ классъ сторожъ Василій въ фартукъ, со столовымъ ножомъ въ рукѣ, и заслушивается. Какъ изъ земли вырастаетъ отецъ Кузьма съ озабоченнымъ лицомъ... Послѣ «отложимъ попеченіе» Алексѣй Алексѣичъ вытираетъ со лба потъ и въ волненіи подходитъ къ отцу Кузьмѣ.

— Недоумѣваю, отецъ Кузьма!—говоритъ онъ, пожимая плечами,—отчего это въ русскомъ народѣ пониманія нѣтъ? Недоумѣваю, накажи меня Богъ! Такой необразованный народъ, что никакъ не разберешь, что у него тамъ въ горлѣ: глотка, или другая какая внутренность? Подавился ты, что ли?—обращается онъ къ басу Геннадію Семичеву, брату кабатчика.

— А что?

— На что у тебя голосъ похожъ? Трещить, словно кастряля. Опять небось вчерась трахнулъ за галстукъ? Такъ и

есть! Изъ рта, какъ изъ кабака... Эээхъ! Мужикъ, братецъ ты! Невѣжа ты! Какой же ты пѣвчій, ежели ты съ мужиками въ кабакѣ компанію водишь? Эхъ, ты осель, братецъ!

— Грѣхъ, братъ, грѣхъ...—бормочетъ отецъ Кузьма. — Богъ все видитъ .. насквозь...

— Оттого ты и пѣнія нисколько не понимаешь, что у тебя въ мысляхъ водка, а не божественное. дуракъ ты этакой!

— Не раздражайся, не раздражайся... — говоритъ отецъ Кузьма.— Не сердись... Я его умолю.

Отецъ Кузьма подходитъ къ Геннадію Семичеву и начинаетъ его умолять:

— Зачѣмъ же ты? Ты, тово, пойми у себя въ умѣ. Человѣкъ, который поетъ, долженъ себя воздерживать, потому что глотка у него того... нѣжная.

Геннадій чешетъ себѣ шею и косится на окно, точно не къ нему рѣчь.

Послѣ Херувимской поютъ «Вѣрую», потомъ «Достойно и праведно», поютъ чувствительно, гладенько—и такъ до «Отче нашъ».

— А по-моему, отецъ Кузьма,—говоритъ регентъ, просто «Отче нашъ» лучше нотнаго. Его бы и сѣтъ при графѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Пой нотное. Потому графъ въ столицахъ, къ обѣднѣ ходючи, окромѣ нотнаго ничего... Небось, тамъ въ капеллахъ... Тамъ, братецъ еще и не такія ноты!..

Послѣ «Отче нашъ» опять кашель, сморканье и перелистыванье нотъ. Предстоитъ исполнить самое трудное: концертъ. Алексѣй Алексѣичъ изучаетъ двѣ вещи: «Кто Богъ велій» и «Всемирную славу». Что лучше выучать, то и будутъ пѣть при графѣ. Во время концерта регентъ входитъ въ азартъ. Выраженіе доброты то и дѣло смѣняется испугомъ. Онъ машетъ руками, шевелитъ пальцами, дергаетъ плечами..

— Форте!—бормочетъ онъ. —Анданте! Разжимайте... разжимайте! Пой, идолъ! Тенора, не доносите! То-то-ти-то-томъ... Соль... си... соль, дурья твоя голова! Велій! Басы, ве...ве...лій...

Его смычекъ гуляетъ по головамъ и плечамъ фальшивящихъ дискантовъ и альтовъ. Лѣвая рука то и дѣло хватается за уши маленькихъ пѣвцовъ. Разъ даже, увлекшись, онъ согнутымъ большимъ пальцемъ бьетъ подъ подбородокъ баса.

Геннадія. Но пѣвчіе не плачуть и не сердятся на побой: они сознають всю важность исполняемой задачи.

Послѣ концерта проходитъ минута въ молчаніи. Алексѣй Алексѣичъ, вспотѣвшій, красный, изнеможенный, садится на подоконникъ и окидываетъ присутствующихъ мутнымъ, отяжелѣвшимъ, но побѣднымъ взглядомъ. Въ толпѣ слушателей онъ, къ великому своему неудовольствію, усматриваетъ діакона Авдіеова. Діаконъ, высокій, плотный мужчина, съ краснымъ, рябымъ лицомъ и съ соломою въ волосахъ, стоитъ, облокотившись о печь, и презрительно ухмыляется. — Ладно, пой! Выводи ноты! — бормочетъ онъ густымъ басомъ. — Очень нужно графу твое пѣніе! Ему хоть по нѣтамъ пой, хоть безъ ноты... Потому — атеистъ...

Отецъ Кузьма испуганно озирается и шевелитъ пальцами.

— Ну, ну... — шепчетъ онъ. — Молчи, діаконъ. Молю... Послѣ концерта поють: «Да исполнятся уста наша» и спѣвка кончается. Пѣвчіе расходятся, чтобы сойтись вечеромъ для новой спѣвки. И такъ, каждый день.

Проходитъ мѣсяць, другой...

Уже и управляющій получилъ увѣдомленіе о скоромъ пріѣздѣ. Но вотъ, наконецъ, съ господскихъ оконъ снимаются запыленные жалюзи и Ефремово слышитъ звуки разбитаго, разстроеннаго рояля. Отецъ Кузьма чахнетъ и самъ не знаетъ, отчего онъ чахнетъ: отъ восторга ли, отъ испуга ли... Діаконъ ходитъ и ухмыляется.

Въ ближайшій субботній вечеръ отецъ Кузьма входитъ въ квартиру регента. Лицо его блѣдно, плечи осунулись, блескъ лиловой рясы померкъ.

— Былъ сейчасъ у его сіятельства, — говоритъ онъ, заикаясь регенту. — Образованный господинъ, съ деликатными понятіями... Но, тово... обидно, братъ... Въ какомъ часу, товорю, ваше сіятельство, прикажете завтра къ литургіи ударить? А они мѣ: «Когда знаете... Только нельзя ли какънибудь поскорѣе, покороче... безъ пѣвчихъ». Безъ пѣвчихъ! Того понимаешь... безъ пѣвчихъ...

Такимъ образомъ, хотя быть можетъ, и не вполне, но тѣмъ не менѣе діаконъ Авдіеовъ оказывается правъ. Если графъ и не былъ атеистомъ, какъ говорилъ о немъ Авдіеовъ,

за то несомнѣнно онъ былъ плотью отъ плоти старыхъ баръ. Если не доставало чего этому графу, такъ это именно «деликатныхъ понятій», который поторопился утвердить за нимъ раболѣпный отецъ Кузьма. Подобно своимъ предкамъ онъ съ пренебреженіемъ относится къ тѣмъ, кто ниже его по своему положенію. Онъ настолько невнимателенъ къ людямъ, что не хочетъ войти въ ихъ положеніе, не цѣнитъ той энергіи, которая затрачивалась ради его особы въ теченіи двухъ мѣсяцевъ.

Но если въ графѣ сохранились старыя барскія черты, въ его отношеніяхъ къ низшимъ, то въ свою очередь и въ духовенствѣ не исчезли слѣды былой приниженности предъ «гподами».

Особенно эта черта выражена у отца Кузьмы. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ онъ вдохновляетъ свой клиръ къ принятію барина. Изъ дня въ день выражается онъ въ свсю лиловую ряску и не пропускаетъ ни одной спѣвки. Отецъ Кузьма умоляетъ діакона Евлампія Авдіеова говорить эктению въ тонъ, басу Геннадію Семичеву читаетъ нескладную мораль. Когда діаконъ громко говоритъ насчетъ того, что графъ-атеистъ, «отецъ Кузьма испуганно озирается и шевелитъ пальцами». Словомъ, отецъ Кузьма, какъ прямой потомокъ «подавленныхъ и третнихъ рабовъ» «чахнетъ и самъ не знаетъ, отчего онъ чахнетъ: отъ восторга ли, отъ испуга ли...»

Изъ всего Ефремовскаго причта, выдѣляется только дяконъ Авдіеовъ. Онъ не только не раболѣпствуетъ, но даже смѣется надо всѣми. Онъ бравируетъ... «Всю обѣдню онъ презрительно косится на клиросъ, гдѣ одинъ, какъ перстъ, басытъ Алексѣй Алексѣичъ». Проходя съ кадиломъ мимо клиреса, онъ бормочетъ:

— Выводи ноты, выводи! Старайся! Графъ красенькую на хоръ дастъ!

Но ошибочно было бы думать, что Авдіеовъ—исключеніе среди причта. Его бравурство есть не что иное, какъ храбрость за спиной другихъ: онъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ графу и знаетъ, что съ него ничего не спросится, потому и храбрѣ. Но какъ съежился бы и этотъ

храбрый дьяконъ, если бы ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ графомъ.

Основаніемъ для подобной характеристики діакона Авдіесова можетъ служить слѣдующая заключительная картинка разсказа.

«Послѣ обѣдни регентъ, уничтоженный и больной отъ обиды, идетъ домой. У воротъ догоняетъ его красный Авдіесовъ.

— Постой, Алеша,—говоритъ діаконъ.—Постой, дура, не сердись! Не ты одинъ: и я, братъ, въ накладѣ! Подходишь сейчасъ послѣ обѣдни къ графу отецъ Кузьма и спрашиваетъ: «А какого вы понятія о голосѣ діакона, ваше сіятельство? Не правда ли, совершеннѣйшая октава. А графъ-то, знаешь, что выразилъ? Комплиментъ! «Кричатъ, говоритъ, всякій можетъ. Не такъ, говоритъ, важень въ человѣкѣ голосъ, какъ умъ». Питерскій дока! Атеистъ и есть атеистъ!» Пойдемъ, братъ сирота, съ обиды тарарахнемъ точію поединой!».

Только что приведенныя слова свидѣтельствуютъ, что Авдіесовъ не далеко ушелъ отъ своихъ сослуживцевъ въ отношеніи къ сіятельному барину. Похвали его графъ за голосъ, Авдіесовъ носился бы съ этой похвалой до самой своей смерти и никогда не повторилъ бы больше, что графъ атеистъ, напротивъ онъ только превозносилъ бы графа за его «образованность и деликатныя понятія».

Такъ подъ вліяніемъ переходнаго времени и общественныхъ условій различныя холопскія черты, какъ отзвуки недалекаго прошлаго, отразились и на нашемъ духовномъ словіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Кровскій.